

ЭО, 2010 г., № 1

© В.Е. Дерябин, Д.С. Давыдова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В СОСТАВЕ ЯПОНЦЕВ

Ключевые слова: этническая антропология, японцы, современное население, канонический дискриминантный анализ

Использование канонического дискриминантного анализа (*Seal* 1966; *Дерябин* 1983, 2008; *Аренс, Лейтер* 1985) для проведения рассмотрения антропологических данных позволило ряду отечественных исследователей осуществить объективное изучение многих деталей дифференциации современного населения Восточной Европы (*Дерябин* 1991, 1995, 1997, 1998, 1998а, 1998б, 1999, 2001а), Кавказа, Афганистана, Индии (*Дерябин* 1999а, 1999б, 1999в), Африки, Передней и Южной Азии (*Чистов* 1996, 1998), Сибири (*Перевозчиков* 1998), Центральной Азии (*Алексеева и др.* 1998; *Антропология...* 2005). Публикация М.Г. Левиным (1971) уникальных по полноте и методической сопоставимости антропологических материалов по населению Японии середины XX в. позволяет осуществить аналогичное рассмотрение и для населения этого региона. Следует заметить, что М.Г. Левин с использованием методических приемов, невысокую степень совершенства которых он и сам констатировал, выделил ряд локальных региональных вариантов в антропологическом составе японцев. С учетом появившейся в настоящее время возможности применения более совершенных методов рассмотрения антропологической межвыборочной вариации целью настоящего исследования было 1) при помощи объективного метода анализа данных попытаться выявить антропологические варианты в составе японцев и рассмотреть их взаимные соотношения; 2) оценить место антропологических вариантов, найденных в составе японцев, среди групп населения территории Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии.

Материалы и методы исследования. Основные материалы, использованные в данной статье, были собраны в 1946 г. и связаны с изучением под руководством Г.Ф. Дебеца и М.Г. Левина японских военнопленных (результаты опубликованы М.Г. Левиным в 1971 г. В настоящее рассмотрение вошли 12 измерительных признаков (длина тела, продольный и поперечный диаметры головы, наименьшая ширина лба, морфологическая высота лица, скуловой диаметр, нижнечелюстной диаметр, высота носа от бровей, ширина носа, высота верхней губы, ширина рта, толщина губ) и 12 описательных показателей (цвет кожи по шкале Лушана, цвет глаз, рост бороды, горизонтальная профилировка лица, высота переносья, доли вогнутого и выпуклого профиля спинки носа, положение кончика носа, профиль верхней губы, развитие эпикантуса, наклон лба, развитие надбровья).

Общее число обследованных превышает 10 тыс. человек. Выборки отражают население всей территории Японии. Большинство префектур представлено более чем сотней обследованных. Исключение составили уроженцы о-ва Хоккайдо и о-вов Рюкю, численность которых по округам оказалась слишком мала, и поэтому они рассматривались в совокупности. В представленной статье были использованы данные 47 выборок. Их перечень и территориальное размещение приведены на рис. 1.

Василий Евгеньевич Дерябин – доктор биологических наук, профессор кафедры антропологии биологического факультета МГУ, им. М.В. Ломоносова.

Дарья Сергеевна Давыдова – студентка кафедры антропологии биологического факультета МГУ.

Для сопоставительного изучения места, занимаемого японцами среди других монголоидных групп Азии, нами были также использованы антропологические данные по народам российского Дальнего Востока: айнам, нивхам, орокам, негидальцам, ульчам, нанайцам, а также корейцам (*Левин* 1949, 1958; *Дебец* 1951), населению Китая: китайцам, хуэй, яо, мяо, ли (*Чебоксаров* 1989), Вьетнама: тхай, вьетам, тьямам, тьюру (*Аксянова, Золотарева* 1989), Монголии: халха, ойратам, дербетам, дархатам, узумчинам, баргута́м (*Золотарева* 1990).

Вследствие особенностей литературных данных для сопоставительного изучения использовались всего лишь 18 антропологических признаков: длина тела, продольный и поперечный диаметры головы, наименьшая ширина лба, морфологическая высота лица, скуловой и нижнечелюстной диаметры, высота и ширина носа, цвет глаз, рост бороды, горизонтальный профиль лица, высота переносья, доли вогнутого и выпуклого профиля спинки носа, положение кончика носа, наклон лба и развитие надбровья.

Для исследования антропологического состава японцев был применен канонический анализ (программа CANOCLAS В.Е. Дерябина, версия 6.9 для MS DOS). Его использование осуществлялось в виде последовательной деструктивной процедуры (*Дерябин* 1998, 2001а), когда при проведении канонического анализа по найденному с его использованием графику выявлялись группы выборок, обнаруживающие на нем явную близость и одновременно находящиеся на географически смежных территориях. В результате выделялись варианты, включающие группы населения, которые характеризуются антропологическим сходством по комплексу рассматриваемых признаков, и локализованные на некотором географическом ареале. Затем для каждого из выделенных и достаточно крупных кластеров такое же рассмотрение проводилось отдельно. Это продолжалось до получения небольших наборов выборок, для которых внутреннюю структуру было трудно выделить.

Результаты. При проведении первого канонического анализа, в ходе которого рассматривались все 47 выборок японцев, были найдены первые три дискриминатора, описывающие 57% суммарной межгрупповой вариации набора 24 антропологических признаков. Результаты этого анализа представлены на рис. 1–3. Географическое распределение значений первой канонической переменной (рис. 1), найденной на первом шаге анализа, проведенного для всех 47 выборок, демонстрирует отчетливое обособление групп, локализованных на севере Японии и включающих население о-ва Хоккайдо и префектур Аомори, Ивате и Акита. На графике канонического анализа (рис. 2) можно видеть, что эти выборки, так же как японцы соседней префектуры Ямагата, характеризуются малыми значениями первых двух канонических переменных и явно обособлены от остальных групп японцев. Географическая локализация и очевидная антропологическая специфика, как это видно по результатам канонического анализа, позволяют говорить о региональном типе, который по крайним входящим в него группам можно назвать вариантом Хоккайдо–Ямагата.

На географической карте распределения значений первой канонической переменной в центральной зоне о-ва Хонсю обнаруживается еще одна зона малых ее значений (рис. 1). На графике канонического анализа (рис. 2) можно видеть, что выборки японцев из префектур Токио, Канагава, Фукуи, Нагано и Гифу отличаются малыми значениями первой и скорее большими значениями второй канонических переменных (рис. 2) и тем самым надежно обособляются от остальных групп японцев. По географическому критерию и результатам канонического анализа, доказавшего антропологическую специфику этих выборок, представляется возможным выделить особый вариант Канагава–Фукуи.

На рис. 3 приведен график сочетания первой и третьей канонических переменных для 47 групп японцев. Здесь в области больших величин третьего дискриминатора размещается выборка с о-вов Рюкю, которая отстоит от любой ближайшей группы японцев не менее чем на 0.8 величины его внутригруппового среднего квадратического отклонения. Заметим, что по длине тела такому уровню отличий средних величин соответствовало бы 5 см. Очевидно, что здесь можно констатировать проявление еще одного регионального варианта (Рюкю), существующего в населении Японии.

Таким образом, по результатам первого канонического анализа можно вполне обоснованно выделить три антропологических варианта японцев. Средние значения исходных антропологических признаков для них приведены в табл. 1.

После исключения из рассмотрения выборок, составивших региональные варианты Хоккайдо–Ямагата, Канагава–Фукуи и Рюкю, был проведен второй канонический анализ, в который вошли оставшиеся 36 групп японцев. По его результатам можно видеть (рис. 4), что объективно выделяются три кластера, каждому из которых соответствует объединение выборок, локализованных на компактном географическом ареале. Первый из них отличается наименьшими величинами первой канонической переменной и включает группы японцев из префектур Айти, Миэ, Сига и Киото, находящихся в центральной части о-ва Хонсю (рис. 6), южнее ареала выделенного ранее варианта Канагава–Фукуи. По названию крайних префектур этот кластер можно наименовать как региональный вариант Айти–Киото. Средними значениями первого дискриминатора (рис. 4) характеризуется кластер, образованный выборками из префектур Осака, Хиого, Нара, Вакаяма, Тоттори, Окаяма, Хиросима, территориально локализованных еще южнее предыдущего варианта Айти–Киото. В соответствии с антропологической обособленностью, проявившейся по результатам канонического анализа и его географической приуроченностью, здесь можно говорить о региональном варианте Вакаяма–Хиросима. Наконец, на рис. 4 в области больших значений первой канонической переменной и средних величин – второй можно видеть еще одно вполне обособленное объединение точек, соответствующее населению четырех префектур – Токусима, Кагава, Эхтме, и Коти, расположенных на о-ве Сикоку, для которого следует выделить особый одноименный антропологический вариант. Средние величины антропологических признаков, найденные для региональных вариантов японцев: Айти–Киото, Вакаяма–Хиросима и Сикоку, приведены в табл. 1.

После исключения из рассмотрения выборок, которые составили региональные варианты Хоккайдо–Ямагата и Канагава–Фукуи, Рюкю, Айти–Киото, Вакаяма–Хиросима и Сикоку, выделенных в ходе первых двух рассмотрений, был проведен третий канонический анализ, в который вошла оставшаяся 21 группа японцев. По его результатам можно видеть (рис. 5), что объективно выделяются два заметно трансгрессирующих кластера. При этом образовавшие их выборки территориально локализованы весьма далеко друг от друга. Так, первое объединение включает население префектур Мияги, Фукусима, Ибараки, Тотиги, Гумма, Сайтама, Тиба, Яманаси, Ниигата, Тояма и Исикава, расположенных в центральной зоне Японии по соседству с вариантом Хоккайдо–Ямагата (рис. 6). Напротив, второй кластер объединяет выборки, характеризующие население префектур, расположенных на о-ве Кюсю (Фукуока, Сага, Нагасаки, Кумамото, Оита, Миядзаки, и Кагосима), а также соседней с ним пров. Ямагути, расположенной на юге о-ва Хонсю. Поэтому здесь возможно выделить два соответствующих региональных варианта, первый из которых назовем Мияги–Исикава, второй – Кюсю.

Следует заметить, что по результатам трех канонических анализов, позволивших нам достаточно объективно выделить восемь региональных вариантов в составе япон-

цев, три выборки, соответствующие населению префектур Яманаси, Сидзуока, Симане, оказалось трудно отнести к какому-либо из них. Причиной этого может быть сравнительно слабая антропологическая дифференциация населения Японии в сочетании с весьма вероятными и даже практически неизбежными статистическими случайностями.

После выделения восьми региональных вариантов в составе японцев необходимо рассмотреть их взаимные соотношения. Для этого был проведен дополнительный канонический анализ (рис. 7), который позволил выявить своего рода трехполярную модель их взаимоотношений. Первый полюс образует население о-вов Рюкю, обнаруживающее значительную обособленность от центральных точек других территориальных вариантов японцев. Для него характерна (табл. 1) наименьшая длина тела, наиболее низкое и вследствие этого самое эурипрозное лицо, самый относительно широкий нос и самая большая высота верхней губы, наиболее темные кожа и глаза, наиболее интенсивный рост бороды, наименьшая встречаемость эпикантуса, наиболее сильное развитие надбровья. Следует заметить, что вариант Рюкю отстоит от центральных точек других региональных типов японцев (рис. 7) на 1,3–1,4 значений внутригруппового среднего квадратического отклонения первой канонической переменной. Для наглядности добавим, что по длине тела такой масштаб средних различий составил бы примерно 8 см.

Второй полюс вариации – это региональные варианты Хоккайдо–Ямагата и Канагава–Фукуи, третий – кластер, объединяющий варианты Мияги–Исикава, Айти–Киото, Вакаяма–Хиросима и Сикоку (рис. 7). Наиболее отчетливо различия между этими полюсами можно проследить между региональными типами Хоккайдо–Ямагата и Сикоку, расположенными на графике канонического анализа достаточно обособленно и к тому же территориально весьма далекими друг от друга. Для первого из них характерны (табл. 1) большие средние значения ширины лба, скулового диаметра, высоты лица и носа при наименьшей его ширине, посветление кожи и глаз, большая высота переносья с более опущенным кончиком носа, более наклонный лоб с более сильным развитием надбровья, более прохейличное строение верхней губы. Все эти различия для отдельных признаков выражены весьма слабо, но в комплексе приводят к тому, что средняя разность между двумя обсуждаемыми кластерами региональных вариантов по второй канонической переменной (рис. 7) составляет совсем не малую величину 0,7 значения ее внутригруппового среднего квадратического отклонения.

Наконец, подчеркнем, что вариант Кюсю, обнаруживающий близость к объединению Мияги–Исикава, Айти–Киото, Вакаяма–Хиросима и Сикоку, одновременно немного смещен по направлению к типу Рюкю (рис. 7). Для отдельных признаков (табл. 1) это проявляется в уменьшении у населения о-ва Кюсю ширины лба и высоты носа, повышении высоты верхней губы, потемнении кожи, усилении роста бороды.

На следующем этапе анализа проводилось сопоставительное изучение выборок японцев по сравнению с другими монголоидными группами Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, а также российского Дальнего Востока. Нетрудно заметить, что японцы на графике первых двух канонических переменных (рис. 8) образуют достаточно компактный кластер и тем самым обнаруживают значительную однородность своего антропологического типа. Одновременно по комплексу признаков они демонстрируют очевидное сходство с группой сахалинских айнов и выборками корейцев. Так, первые размещаются непосредственно среди выборок японцев (рис. 8). Разумеется, это не означает, что последние относятся к курильской малой расе, так как по сочетанию первой и третьей канонических переменных (рис. 9) вид-

но, что айны отстоят от ближайшей к ним выборки японцев на 1,1 внутригрупповой “сигмы”. Поэтому результат, приведенный на рис. 8, можно трактовать всего лишь как отражающий определенное участие курильского антропологического типа в расовом составе населения Японии. Для других монголоидных групп, участвовавших в сопоставительном рассмотрении, отметим некоторую близость к японцам сахалинских нивхов и вьетнамцев тхай и тьюру (рис. 8). Для монголов, северных китайцев и большей части групп российского Приамурья сколько-нибудь заметная близость к выборкам японцев по результатам канонического анализа не прослеживается.

На заключительном этапе анализа проводилось сопоставление региональных вариантов японцев с группами Восточной, Юго-Восточной, Центральной Азии и российского Приамурья (рис. 10, 11). И здесь выявилась значительная однородность японцев по отношению к сравниваемым группам. Однако полученные результаты демонстрируют также существование определенного сходства разных региональных типов населения Японии с некоторыми из этих групп. Во-первых, очевидно сходство с айнами для варианта Рюкю. Такой результат хорошо соответствует особенностям этого варианта, отличающим население указанных островов от остальных групп населения Японии, а именно наиболее зурипрозопному лицу, наиболее относительно широко носе, самой большой высоте верхней губы, наиболее темным коже и глазам, наиболее интенсивному росту бороды, наименьшей встречаемости эпикантуса, наиболее сильному развитию надбровья. Большинство данных свойств в подчеркнутом виде проявляются у сахалинских айнов. Правда, для последних не выражено потемнение глаз и зурипрозопность лица, которое, напротив, имеет очень большую высоту. Это является, по-видимому, локальной особенностью указанной группы курильской расы, связанной с метисационными процессами (Левин 1958, 1971), что не было, вероятно, характерно для других ее популяций, расселенных в древности гораздо южнее и когда-то внесших свой вклад в антропологический состав рюкюсцев. Этот результат также косвенно свидетельствует об участии такого древнего варианта курильского антропологического типа и в составе населения о-ва Кюсю. Правда, вклад такого расового компонента в этом случае был гораздо более слабым, так как для японцев рассматриваемого острова объективно наблюдается (рис. 7) всего лишь небольшой сдвиг соответствующей центральной точки в направлении к рюкюсцам.

Во-вторых, результаты канонического анализа, представленные на графике заключительного канонического анализа (рис. 10, 11), демонстрируют заметное сходство по комплексу антропологических признаков у региональных вариантов Хоккайдо–Ямагата и Канагава–Фукуи с корейцами. Эти варианты, как мы видели (рис. 7), образуют особый полюс антропологической изменчивости типов, выделяемых среди японцев, и тяготение к монголоидному населению Кореи во многом объясняет его специфику.

В-третьих, на рис. 10–11 можно заметить некоторое смещение по сравнению с остальными региональными типами японцев варианта Айти–Киото в направлении к центральным точкам выборок вьетнамцев тьюру и тхай и южных китайцев. Вполне возможно, что это свидетельствует о несколько большем участии южноазиатского монголоидного компонента в сложении этого варианта. В несколько меньшей степени аналогичная особенность проявляется также для вариантов Вакаяма–Хиросима, Сикоку, Мияги–Исикава и Кюсю. Все эти пять локальных типов японцев естественно образуют (рис. 7) относительно единый кластер и, как можно видеть (рис. 10, 11), одновременно демонстрируют небольшое смещение в направлении групп вьетнамцев, китайцев и некоторых этнических групп Южного Китая.

Как соотносятся полученные нами результаты с выводами, сделанными М.Г. Левиным (1971) по результатам аналогичного рассмотрения антропологических данных по японцам и выделения локальных антропологических вариантов? Во-первых, наши результаты полностью подтвердили выделение двух контрастных региональных вариантов, первый из которых представлен японцами о-ва Рюкю, второй – населением о-ва Хоккайдо и северных провинций о-ва Хонсю. Для рюкюсцев, по сравнению с остальными группами японцев, действительно проявляется заметное влияние какого-то древнего варианта курильской расы, отличавшегося от испытывавших более поздние смешения современных сахалинских айнов рядом признаков (например, более низким лицом). Северный вариант Хоккайдо–Ямагата явно демонстрирует наличие определенного сходства с корейцами, что отмечал и М.Г. Левин (1971). Правда, каких-либо черт курильской расы, наличие которых им допускалось здесь, по результатам нашего рассмотрения не проявляется (рис. 10). Напротив, вариант Хоккайдо–Ямагата обнаруживает заметное сходство с японцами регионального типа Канагава–Фукуи, географически расселенного гораздо южнее – в средней зоне о-ва Хонсю. По-видимому, вклад восточноазиатской расы в состав этих двух вариантов японцев был больше, чем для других региональных типов.

Во-вторых, не подтвердилось предполагавшееся М.Г. Левиным наличие некоторой особой близости населения о-ва Сикоку к группам южноазиатских монголоидов индонезийского облика. В целом, исходя из наших результатов (рис. 11), можно говорить о присутствии подобного, хотя и небольшого сходства сразу для нескольких локальных типов японцев: Айти–Киото, Вакаяма–Хиросима, Сикоку, Мияги–Исикава и Кюсю, представляющих основную массу изученных выборок. При этом наибольшее сходство с южноазиатскими монголоидами демонстрируют скорее группы, относящиеся к варианту Айти–Киото. Для него, в частности, наблюдается потемнение кожи, в чем он уступает лишь варианту Рюкю, тогда как для японцев Сикоку это не характерно. Для японцев Кюсю дополнительно проявляется небольшая, но вполне естественная, если учитывать географический фактор, близость к варианту Рюкю. Можно также заметить, что японцы Сикоку оказываются скорее сравнительно близкими к региональному варианту Кюсю (рис. 11), чему соответствует их территориальное расположение.

Наконец, проведенный нами анализ позволил объективно, наглядно и достаточно непротиворечиво отнести к региональным вариантам большую часть выборок японцев, тогда как в исследовании М.Г. Левина это удалось сделать лишь для сравнительно небольшого их числа. Разумеется, последний результат целиком следует отнести на счет эффективности современных методов анализа антропологических данных, которыми исследователи середины XX в. еще не располагали.

Литература

- Аксянова, Золотарева 1989 – Аксянова Г.А., Золотарева И.М. Этническая антропология Вьетнама: расогенетический аспект // Наука о расах. Вып. 19. М.: Наука, 1989, С. 48–66.
- Алексеева и др. 1998 – Алексеева Т.И., Бацевич В.А., Ясина О.В., Тумэн Д. Антропология Центральной Азии (этногенез, экология) // Народы России. Антропология. Ч. I. М.: Старый сад. 1998. С. 114–144.
- Антропология... 2005 – Антропология Центральной Азии / Под ред. Т.И. Алексеевой. М.: Научный Мир, 2005.
- Аренс, Лейтер 1985 – Аренс Х., Лейтер Ю. Многомерный дисперсионный анализ. М.: Финансы и статистика, 1985.

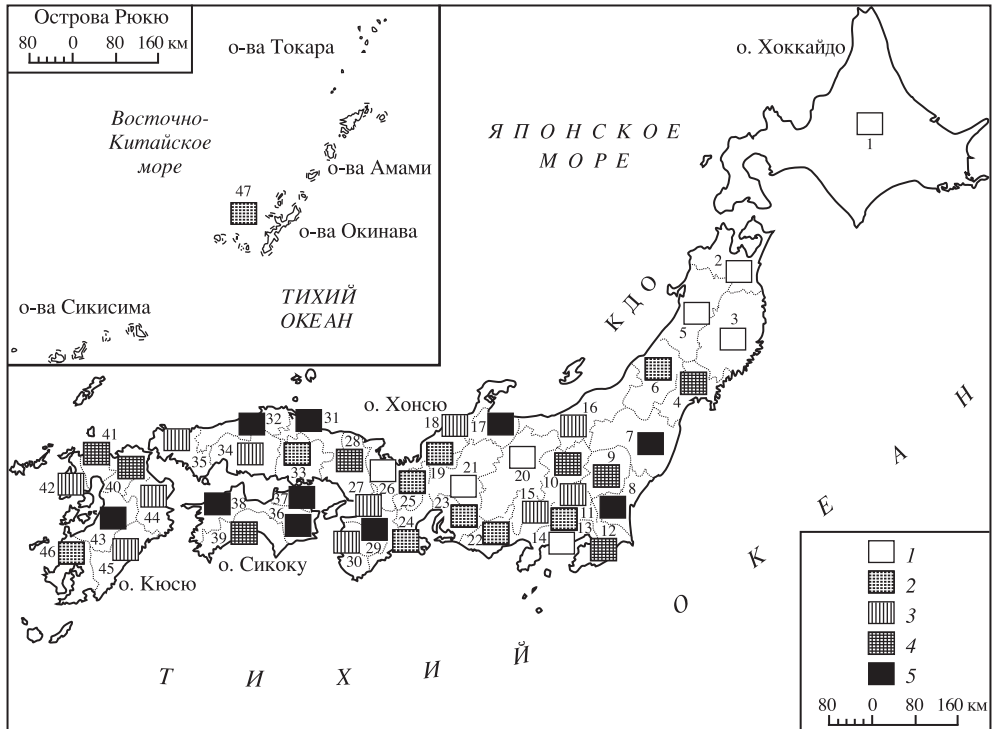

Рис. 1. Географическое распределение значений первой канонической переменной, найденной для 47 выборок японцев (1 – малые, 2 – ниже средней, 3 – средние, 4 – выше средней, 5 – большие). Обозначения выборок: 1 – Хоккайдо, 2 – Аомори, 3 – Ивате, 4 – Мияги, 5 – Акита, 6 – Ямагата, 7 – Фукусима, 8 – Ибараки, 9 – Тотиги, 10 – Гумма, 11 – Сайтама, 12 – Тиба, 13 – Токио, 14 – Канагава, 15 – Яманаси, 16 – Ниигата, 17 – Тояма, 18 – Исикава, 19 – Фукуи, 20 – Нагано, 21 – Гифу, 22 – Сидзуока, 23 – Айти, 24 – Миэ, 25 – Сига, 26 – Киото, 27 – Осака, 28 – Хиого, 29 – Нара, 30 – Вакаяма, 31 – Тоттори, 32 – Симане, 33 – Окаяма, 34 – Хиросима, 35 – Ямагути, 36 – Токусима, 37 – Кагава, 38 – Эхтме, 39 – Коти, 40 – Фукуока, 41 – Сага, 42 – Нагасаки, 43 – Кумамото, 44 – Оита, 45 – Миядзаки, 46 – Кагосима, 47 – Рюкю.

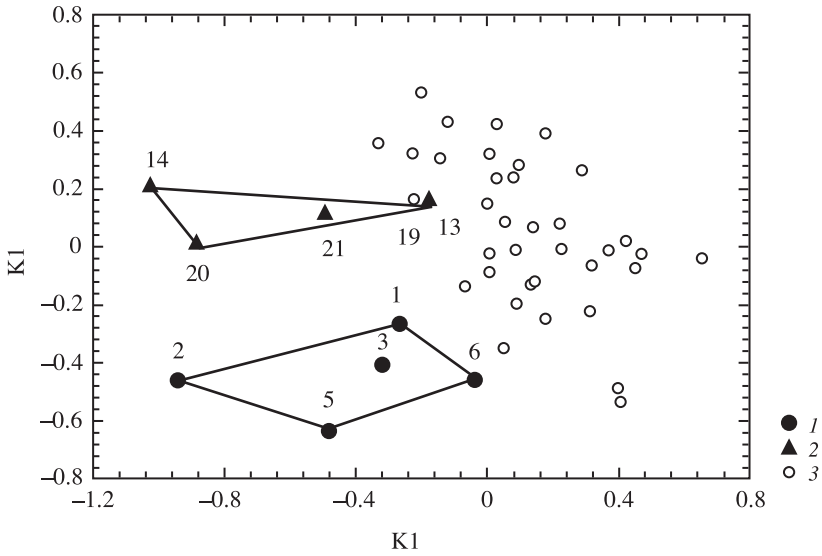

Рис. 2. График результатов канонического анализа 47 выборок японцев. Приведены средние значения первых двух канонических переменных (K1 и K2) Обозначения: 1 – выборки регионального варианта Хоккайдо–Ямагата, 2 – выборки регионального варианта Канагава–Фукуи, 3 – другие выборки. Нумерация групп японцев как в подписи к рис. 1.

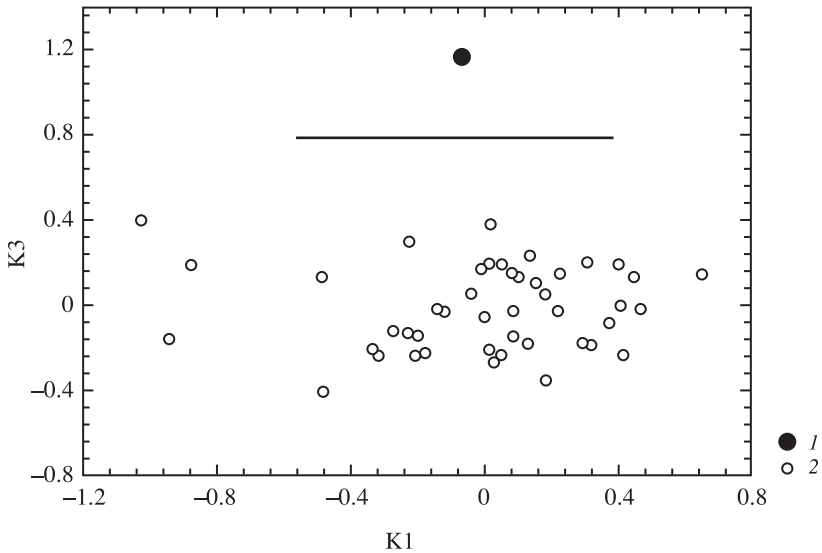

Рис. 3. График результатов канонического анализа 47 выборок японцев. Приведены средние значения первой и третьей канонических переменных (K1 и K3). Обозначения: 1 – японцы Рюкю, 2 – другие выборки.

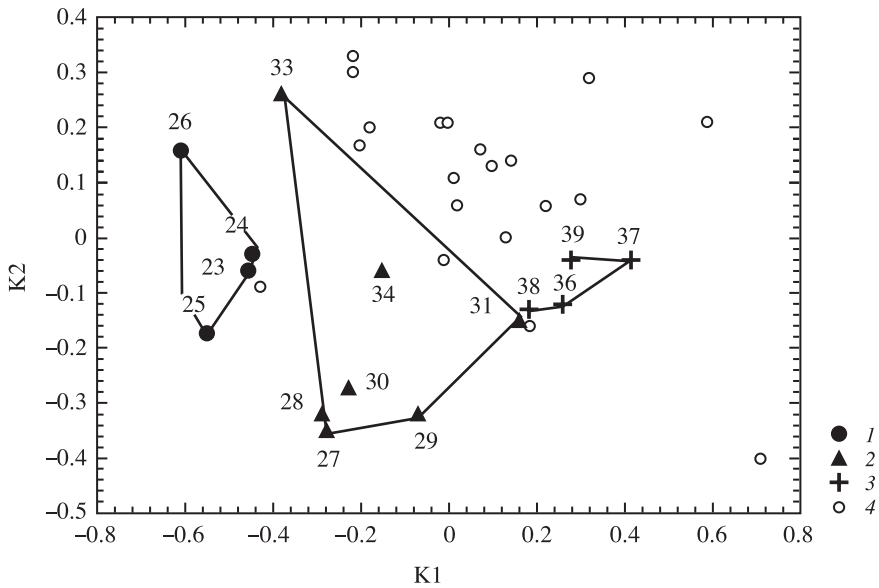

Рис. 4. График результатов канонического анализа 36 выборок японцев. Приведены средние значения первых двух канонических переменных (K1 и K2). Обозначения: 1 – выборки регионального варианта Айти–Киото, 2 – выборки регионального варианта Вакаяма–Хиросима, 3 – выборки регионального типа Сикоку, 4 – другие выборки. Нумерация групп японцев как в подписи к рис. 1.

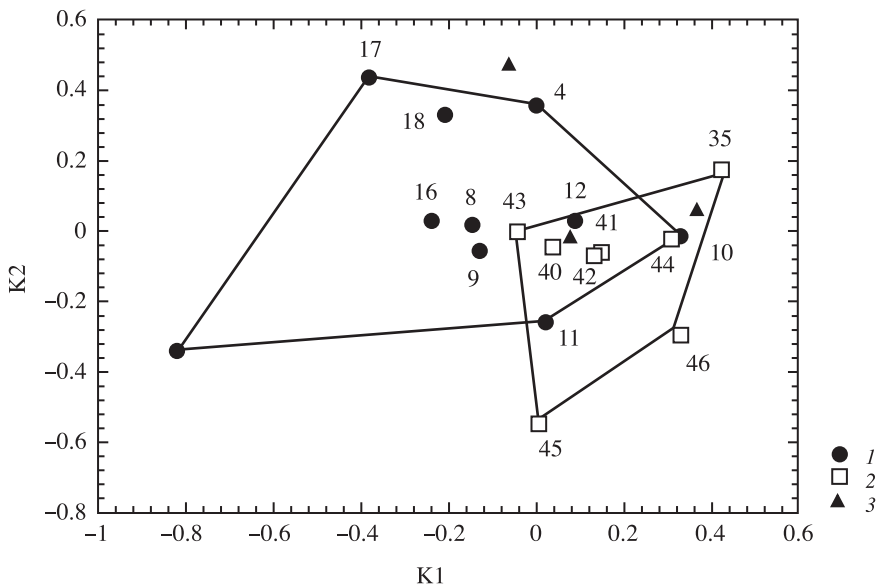

Рис. 5. График результатов канонического анализа 21 выборок японцев. Приведены средние значения первых двух канонических переменных (K1 и K2). Обозначения: 1 – выборки регионального варианта Мияги–Исикава, 2 – выборки регионального варианта Кюсю, 3 – другие выборки. Нумерация групп японцев как в подписи к рис. 1.

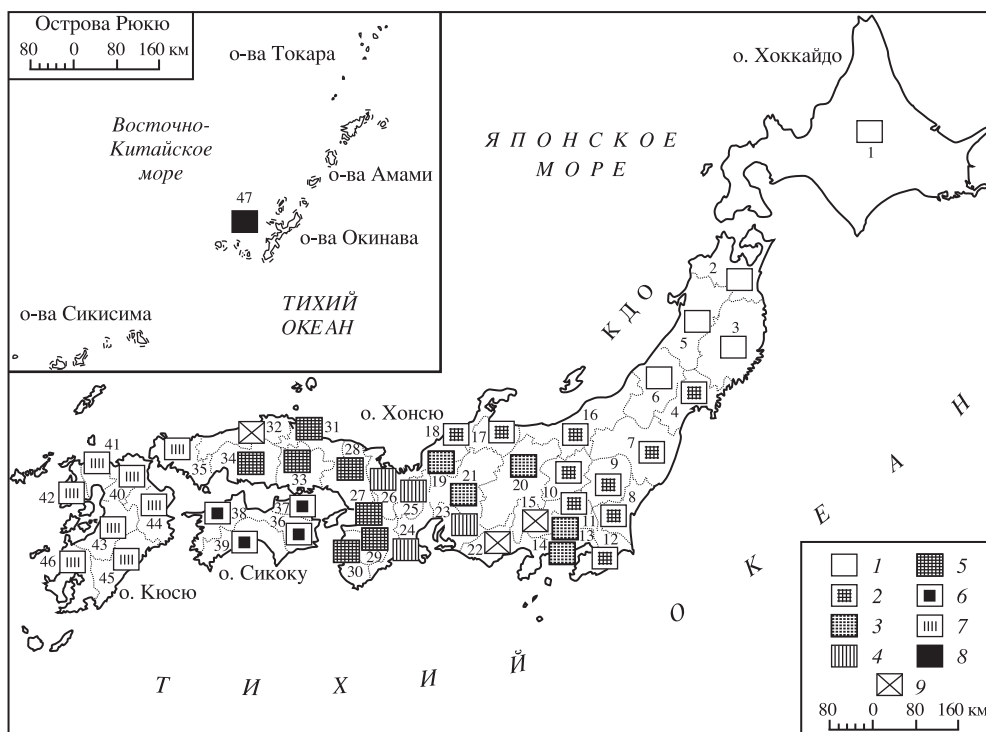

Рис. 6. Географическое размещение региональных антропологических вариантов, выделенных в составе японцев: 1 – Хоккайдо–Ямагата, 2 – Мияги–Исикава, 3 – Канагава–Фукуи, 4 – Айти–Киото, 5 – Вакаяма–Хиросима, 6 – Сикоку, 7 – Кюсю, 8 – Рюкю.

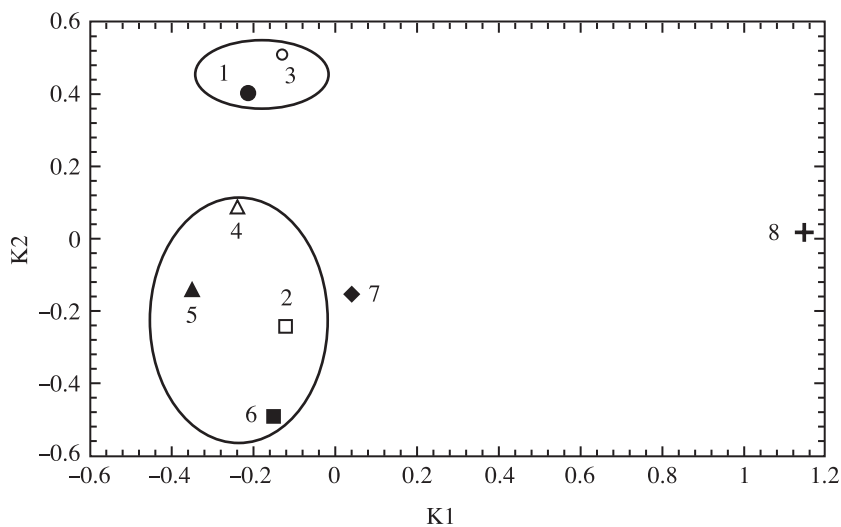

Рис. 7. Результаты канонического анализа региональных антропологических вариантов, выделенных в составе японцев: 1 – Хоккайдо–Ямагата, 2 – Мияги–Исикава, 3 – Канагава–Фукуи, 4 – Айти–Киото, 5 – Вакаяма–Хиросима, 6 – Сикоку, 7 – Кюсю, 8 – Рюкю.

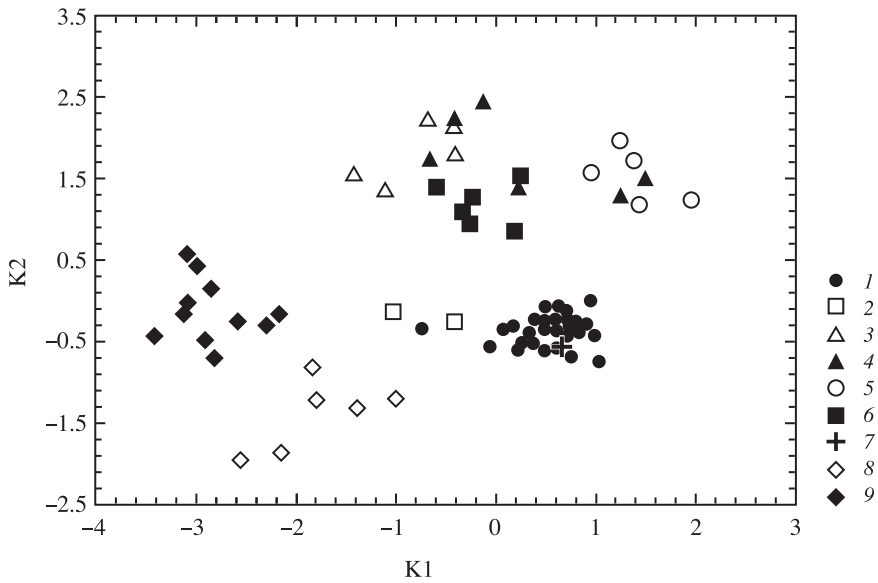

Рис. 8. Результаты канонического анализа выборок японцев и монголоидных групп Северной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Приведено сочетание первых двух канонических переменных (K1 и K2). Обозначения: 1 – японцы, 2 – корейцы, 3 – северные китайцы, 4 – южные китайцы, 5 – этнические группы Китая, 6 – вьетнамцы, 7 – айны, 8 – народы Приамурья, 9 – монголы

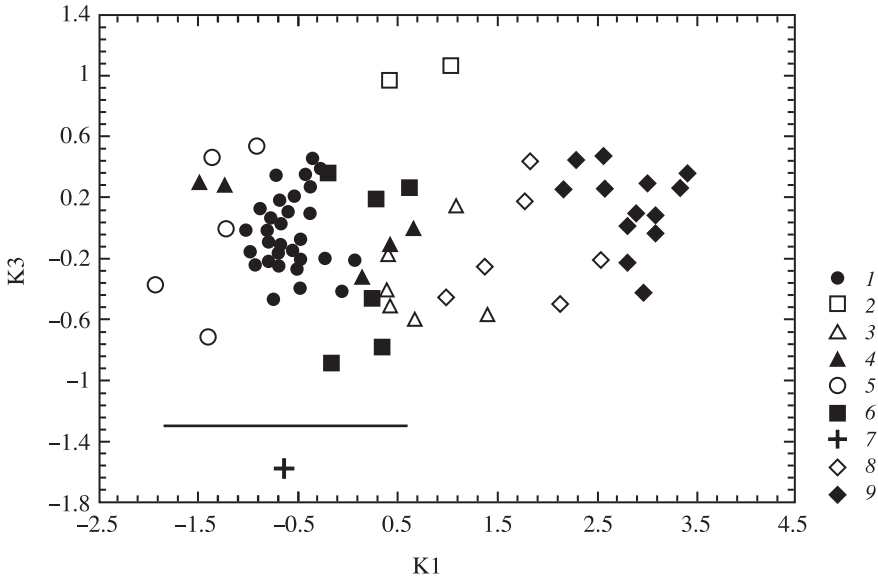

Рис. 9. Результаты канонического анализа выборок японцев и монголоидных групп Северной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Приведено сочетание первой и третьей канонических переменных (K1 и K3). Обозначения: 1 – японцы, 2 – корейцы, 3 – северные китайцы, 4 – южные китайцы, 5 – этнические группы Китая, 6 – вьетнамцы, 7 – айны, 8 – народы Приамурья, 9 – монголы.

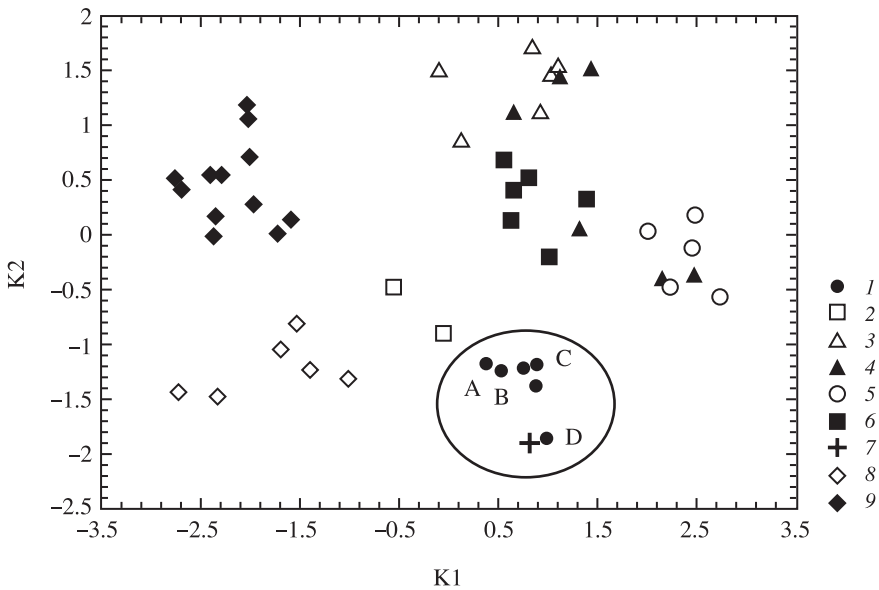

Рис. 10. Результаты канонического анализа центральных точек региональных типов, выделенных в составе японцев и монголоидных групп Северной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Обозначения: 1 – японцы, 2 – корейцы, 3 – северные китайцы, 4 – южные китайцы, 5 – этнические группы Китая, 6 – вьетнамцы, 7 – айны, 8 – народы Приамурья, 9 – монголы, А – вариант Хоккайдо–Ямагата, В – вариант Канагава–Фукуи, С – вариант Айти–Киото, D – вариант Рюкю. Смотри также рис. 11.

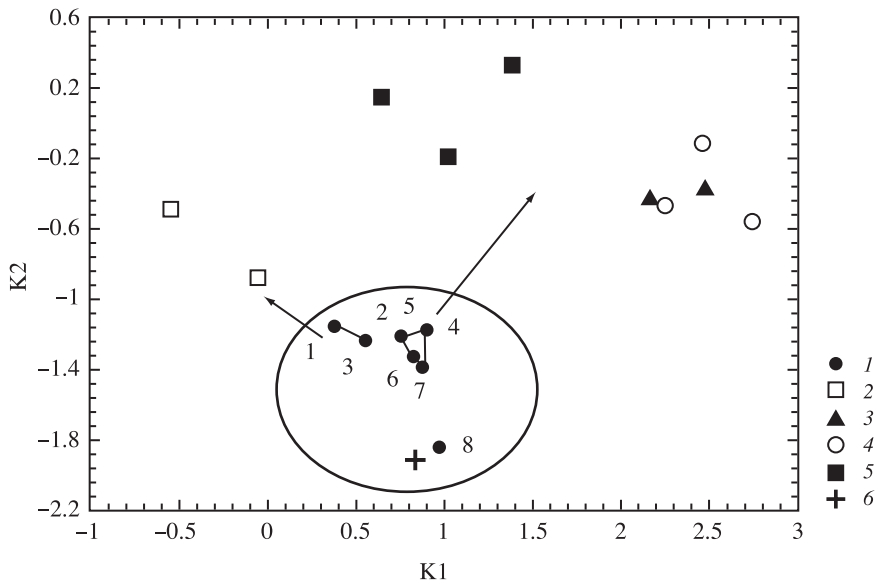

Рис. 11. Фрагмент рисунка 10, представляющий в увеличенном масштабе размещение центральных точек антропологических вариантов, выделенных для японцев (обведены овалом), по сравнению с другими группами Восточной и Юго-Восточной Азии, обнаружившими наибольшее сходство с ними. Обозначения региональных типов японцев: 1 – Хоккайдо–Ямагата, 2 – Мияги–Исикава, 3 – Канагава–Фукуи, 4 – Айти–Киото, 5 – Вакаяма–Хиросима, 6 – Сикоку, 7 – Кюсю, 8 – Рюкю. Обозначения групп населения: 1 – японцы, 2 – корейцы, 3 – южные китайцы, 4 – этнические группы Китая, 5 – вьетнамцы, 6 – айны.

Таблица 1

Средние значения (средние баллы) признаков у региональных вариантов, выделенных для японцев

<i>Признаки, региональные варианты</i>	<i>Хоккайдо– Ямагата</i>	<i>Мияги– Исикава</i>	<i>Фукуи– Канагава</i>	<i>Айти– Киото</i>
1. Длина тела	159.52	159.00	159.55	160.28
2. Продольный диаметр головы	188.55	187.96	186.29	185.14
3. Поперечный диаметр головы	152.96	151.16	154.05	151.57
4. Наименьшая ширина лба	103.77	103.72	103.58	103.24
5. Морфологическая высота лица	129.39	128.83	128.88	128.93
6. Скуловой диаметр	142.47	142.11	142.03	141.04
7. Нижнечелюстной диаметр	110.43	110.61	110.07	110.08
8. Высота носа (от бровей)	58.28	57.05	57.40	57.22
9. Ширина носа	36.26	36.64	36.49	36.56
10. Высота верхней губы	16.85	17.07	17.06	17.04
11. Ширина рта	49.34	49.47	49.35	49.10
12. Толщина губ	19.99	20.27	20.05	20.16
13. Цвет кожи	1.76	1.80	1.80	1.83
14. Цвет глаз	2.92	2.96	2.95	2.97
15. Рост бороды	1.73	1.71	1.73	1.72
16. Горизонтальный профиль лица	1.06	1.06	1.05	1.06
17. Высота переносья	1.21	1.21	1.17	1.19
18. Доля вогнутых спинок носа	0.11	0.14	0.12	0.11
19. Доля выпуклых спинок носа	0.17	0.14	0.18	0.20
20. Кончик носа	1.42	1.36	1.33	1.38
21. Профиль верхней губы	1.21	1.14	1.16	1.16
22. Доля отсутствующего эпикантуса	0.28	0.22	0.24	0.25
23. Наклон лба	2.64	2.79	2.79	2.83
24. Развитие надбровья	1.20	1.14	1.16	1.16
25. Головной указатель	81.04	80.62	81.64	82.07
26. Лицевой – “ –	90.92	90.70	90.76	91.20
27. Носовой – “ –	62.72	64.75	64.26	63.55

Таблица 1 (окончание)

<i>Признаки, региональные варианты</i>	<i>Вакаяма–Хиросима</i>	<i>Сикоку</i>	<i>Кюсю</i>	<i>Рюкю</i>
1. Длина тела	160.25	159.18	159.71	157.30
2. Продольный диаметр головы	186.25	187.98	187.36	187.40
3. Поперечный диаметр головы	151.45	150.37	151.32	152.10
4. Наименьшая ширина лба	103.44	103.09	102.96	102.10
5. Морфологическая высота лица	129.32	128.94	128.36	126.30
6. Скуловой диаметр	142.10	141.95	141.87	142.30
7. Нижнечелюстной диаметр	110.45	110.59	110.13	110.00
8. Высота носа (от бровей)	57.47	56.99	56.88	55.20
9. Ширина носа	36.61	36.78	36.61	36.60
10. Высота верхней губы	17.20	17.30	17.47	18.20
11. Ширина рта	49.13	49.44	49.37	49.80
12. Толщина губ	20.43	20.34	19.91	18.90
13. Цвет кожи	1.81	1.79	1.82	1.85
14. Цвет глаз	2.96	2.96	2.96	2.99
15. Рост бороды	1.58	1.57	1.78	2.32
16. Горизонтальный профиль лица	1.05	1.04	1.05	1.01
17. Высота переносья	1.19	1.16	1.17	1.17
18. Доля вогнутых спинок носа	0.12	0.15	0.15	0.12
19. Доля выпуклых спинок носа	0.16	0.16	0.15	0.16
20. Кончик носа	1.34	1.38	1.32	1.31
21. Профиль верхней губы	1.16	1.12	1.16	1.18
22. Доля отсутствующего эпикантуса	0.19	0.24	0.25	0.36
23. Наклон лба	2.82	2.85	2.82	2.85
24. Развитие надбровья	1.14	1.13	1.14	1.26
25. Головной указатель	81.25	80.10	80.80	81.30
26. Лицевой – “ –	90.87	90.98	90.80	88.70
27. Носовой – “ –	64.30	65.05	64.73	67.00

- Дерябин 1983 – Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983.
- Дерябин 1991 – Дерябин В.Е. Использование смешанного набора признаков в расовом анализе // Докл. МОИП. Общая биология. 1989. М.: Наука, 1991. С. 4–7.
- Дерябин 1995 – Дерябин В.Е. К методике статистического межгруппового анализа: рассмотрение смешанного набора признаков // Вопр. антропологии. Вып. 88, 1995 С. 6–25.
- Дерябин 1997 – Дерябин В.Е. Об использовании методик проведения многомерного таксономического анализа антропологических данных. М., 1997 (рукоп., депонированная в ВИНТИ). № 1966-В97.
- Дерябин 1998 – Дерябин В.Е. Этническая антропология современных неславянских народов Восточной Европы. Многомерное количественное изучение. М., 1998 (рукоп., депонированная в ВИНТИ). № 2111-В98.
- Дерябин 1998а – Дерябин В.Е. К этнической антропологии современных финских и тюркских народов восточно-европейской России // Народы России. Антропология. Ч. I. М.: Старый сад, 1998. С. 38–57.
- Дерябин 1998б – Дерябин В.Е. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. Канонический анализ против главных компонент // Вестн. антропологии. 1998. № 4. С. 30–67.
- Дерябин 1999 – Дерябин В.Е. Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 1999. С. 30–59.
- Дерябин 1999а – Дерябин В.Е. Многомерное количественное антропологическое изучение современных народов Кавказа. Ч. I // Вестн. антропологии. 1999. Вып. 6. С. 39–58.
- Дерябин 1999б – Дерябин В.Е. Многомерное количественное антропологическое изучение современных народов Кавказа. Ч. II // Вестн. антропологии. 1999. Вып. 6. С. 59–78.
- Дерябин 1999в – Дерябин В.Е. Этническая антропология современных народов Кавказа. Многомерное изучение. М., 1999 (рукоп., депонированная в ВИНТИ). № 253–В99.
- Дерябин 2001 – Дерябин В.Е. Этническая антропология современных славянских народов Восточной Европы. Многомерное количественное изучение. М., 2001 (рукоп., депонированная в ВИНТИ). № 2714-В2001.
- Дерябин 2008 – Дерябин В.Е. Курс лекций по многомерной биометрии для антропологов. М., Биологический факультет МГУ, 2008.
- Золотарева 1990 – Золотарева И.М. Некоторые итоги антропологического исследования современного населения МНР // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990.
- Левин 1949 – Левин М.Г. Антропологический тип корейцев // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Вып. VIII. М., 1949.
- Левин 1958 – Левин М.Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. XXXVI. М.: Наука, 1958.
- Левин 1971 – Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.
- Перевозчиков 1998 – Перевозчиков И.В. Опыт нумерической классификации сибирских монголоидов // Народы России. Антропология. Ч. I. С. 58–69.
- Чебоксаров 1982 – Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982.
- Чистов 1996 – Чистов Ю.К. К проблеме происхождения антропологического типа современного населения Южной Аравии // Вестн. антропологии. 1996. Вып. 2. С. 84–105.
- Чистов 1998 – Чистов Ю.К. Антропология древнего и современного населения Южного Йемена. Ч. 1 // Палеоантропология, антропометрия, антропоскопия. СПб.: Европейский дом, 1998.
- Seal 1966 – Seal H.L. Multivariate statistical methods for biologists. L: Methuen & Co, 1966.

B.E. Deriabin, D.S. Davydova. Anthropological Variants of Japanese

Keywords: ethnic anthropology, Japanese, contemporary population, canonical discriminant analysis

The authors subject the data on 47 samples of the Japanese, which had been studied in the middle of the twentieth century and presented in a publication by M.G. Levin in 1971, to further investigation with the help of canonical discriminant analysis. Despite all the similarities among different groups of the Japanese, the results reveal, as the authors demonstrate in this article, eight distinct anthropological variants that relate to particular geographical areas.

ЭО, 2010 г., № 1

© А.В. Гринев

**ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЬЯНСТВА
СРЕДИ ТУЗЕМЦЕВ РУССКОЙ АМЕРИКИ**

Ключевые слова: Русская Америка, коренные американцы, пушная торговля, алкоголизм, Российско-Американская компания, борьба с пьянством, американские и британские контрабандисты, ром, водка

Насколько нам известно, эта тема до сих пор не была объектом специального изучения в российской и американской научной литературе, хотя и затрагивалась в некоторых работах (*Howey* 1942: 157–169; *Гринев* 1991: 204–205, 217 и др.). Поэтому попробуем подробнее рассмотреть ее, используя архивные материалы и опубликованные исторические и этнографические источники, связанные с российскими колониями на Аляске, которые в 1867 г. были проданы США.

Следует начать с того, что в самой России проблема алкоголизма была актуальной на протяжении столетий. Она усугублялась тем, что казна поощряла пьянство, извлекая из него немалые бюджетные доходы (*Рязанов* 1998: 322–323, 336, 353, 531–532; *Миронов* 2000, Т. 1: 46, 441–458; Т. 2: 134), поскольку производство и продажа крепких напитков были практически полностью монополизированы государством. Об этом писали многие иностранные путешественники, посещавшие Россию. Так, английский дипломат в Москве Джайлс Флетчер отмечал в конце 1580-х годов, что никто не имел права отвлекать людей от пьянства в кабаках: “Пока они сидят в кабаке, никто ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода” (Россия XVI века 2003: 64). А соотечественник Флетчера – Ричард Ченслер – добавлял: “Однако я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства” (Там же: 454). В результате потребление алкоголя, особенно по праздникам, стараниями государства стало частью русской народной культуры.

После покорения казаками Сибири в XVI–XVII вв. пьянство стало распространяться и среди сибирских аборигенов, хотя и в очень незначительных масштабах, поскольку водка стоила весьма дорого и ее пили главным образом сами русские. Схожая

Андрей Вальтерович Гринев – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: agrinev1960@mail.ru